

НАПОЛЕОНОВСКІЕ ОТЗВУКИ.

(Взглядъ на толкованіе нѣмцами французской военной литературы о Наполеонѣ).

Разднуя въ этомъ году столѣтіе одной изъ наполеоновскихъ войнъ, озарившей насъ такимъ величіемъ, нельзя ограничиваться только историческими воспоминаніями. Наполеонизмъ *не отжившая*, а современная, *дѣйствующая сила*, особенно въ военномъ искусствѣ.

Отношеніе къ Наполеону въ самой Франціи не было постоянно одинаковымъ. Оно зависѣло отъ политической системы, устанавливавшейся въ государствѣ въ то или другое время.

Въ двадцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія, при Бурбонахъ, Наполеонъ былъ всячески унижаемъ во Франціи; при Людовикѣ Филиппѣ Орлеанскомъ положеніе нѣсколько улучшилось. Во времена «третьей» имперіи большинство французовъ относилось къ Наполеону I, какъ къ нѣкому божеству. Серьезнаго изученія, поэтому, тогда быть не могло: все поглощалось красивой «наполеоновской легендой».

Послѣ униженій Франціи въ 1870 году, причиненныхъ ей «маленькимъ» Наполеономъ (III-мъ), на нѣкоторое время въ республикѣ наступила боязнь идей «наполеонизма». Къ «великому» Наполеону не рѣшались притрогиваться. Но затѣмъ, примѣрно черезъ

десятилѣтіе, французы пришли въ себя. Брать военные уроки у нѣмцевъ—своихъ побѣдителей, признать, вдобавокъ къ вещественному, свое идейное поражение, французская военная мыслящая среда не могла. Да и сами нѣмцы заявляли, что французы побиты ихъ же военными идеями, которыми Мольтке воспользовался въ первоисточникѣ. Этотъ стратегъ, оказывается, прочелъ комментатора Клаузевица лишь на 56-мъ году жизни, а 5-ти-дневную операцію Наполеона изучалъ чуть-ли не всю жизнь.

Тогда французы съ величайшимъ рвеніемъ приступили къ работкѣ своей собственной «естественной» школы войны.

Трудно было бы перечислить названія всѣхъ печатныхъ трудовъ, по изслѣдованію наполеоновскихъ войнъ, появившихся во Франціи съ 80-хъ годовъ XIX вѣка.

Раздѣлить эти труды можно на два вида:

1) Чисто-историческіе труды по всѣмъ наполеоновскимъ кампаніямъ почти цѣликомъ. Общей особенностью этихъ трудовъ является слѣдованіе въ изложеніи тому ходу вещей, въ которомъ зарождалась и приводилась въ исполненіе мысль полководца: сначала свѣдѣнія объ общей обстановкѣ и приказы Наполеона; затѣмъ, развивающіе ихъ приказы маршаловъ и генераловъ, и, наконецъ, вновь поступающія свѣдѣнія отъ передовыхъ частей; и это день за днемъ, по подлиннымъ документамъ. Не всѣ, конечно, работы въ этомъ отношеніи одинаково стройны и строги, но большинство именно таково.

2) Другой видъ работъ—критико-историческія сочиненія какъ по отдѣльнымъ операціямъ и боевымъ маневрамъ, такъ и по общимъ вопросамъ военнаго искусства.

Само собой разумѣется, что въ Германіи чрезвычайно ревниво прислушиваются къ отзыву, даваемому наполеоновскими идеями въ умахъ и сердцахъ современныхъ французовъ. Французы—прославленные новаторы; ими избранъ послѣ 70-хъ годовъ совершенно самостоятельный путь. Какъ они идутъ по немъ, въ чемъ заблуждаются, надъ чѣмъ остановились въ раздумьѣ, гдѣ нашли истинную дорогу,—вотъ вопросы, возникающіе у французскихъ восточныхъ сосѣдей при видѣ расцвѣта военной литературы въ побѣжденной нѣкогда странѣ, соприкоснувшейся съ плодотворной почвой наполеоновскихъ твореній.

Среди многихъ работъ по уясненію себѣ новаго направленія, избраннаго французами, одной изъ позднѣйшихъ является статья баварца Эндреса въ № 9, 1910 г., приложеній къ «*Militär-Wochen-*

blatt», «Наполеоновскіе взгляды въ современномъ французскомъ ученіи о веденіи операцій» (Napoleonische Erinnerungen in der modernen Französischen Operationblätter).

Достоинства обзора Эндреса читатели сами усмотрятъ. Этотъ обзоръ приводится здѣсь почти полностью.

Эндресъ даетъ первоначальное знакомство съ наполеоновской военной литературой во Франціи и нѣмецкими взглядами на эту литературу; онъ кратокъ, достаточно содержателенъ и, насколько возможно для нѣмца, безпристрастенъ.

Нѣкоторыя сужденія Эндреса нельзя, однако, оставлять безъ возраженія. Поэтому, въ концѣ каждой главы нѣмецкаго обзора, нѣсколько строкъ будетъ посвящено разбору нѣмецкаго взгляда на французскія толкованія Наполеона. Смѣю думать, что при такомъ порядкѣ у читателей составитя болѣе полное представленіе о пониманіи Наполеона въ двухъ наиболѣе сильныхъ западно-европейскихъ арміяхъ—французской и нѣмецкой.

Во «введеніи» Эндресъ повторяетъ давно высказываемое мнѣніе, что у Наполеона была совершенно не педагогическая натура, что онъ не оставилъ «школы». На это надо возразить слѣдующее. Не оставить-то не оставилъ, но до сихъ поръ лучшіе военные умы, и практики, и теоретики, питались и питаются наполеоновскими идеями и образцами. Вообще говоря, въ какой военной школѣ находимся мы теперъ? Развѣ не въ Наполеоновской? Пусть эта Наполеоновская школа будетъ преподнесена въ толкованіи Клаузевица, какъ въ Германіи, или Жомини, какъ у насъ, или въ толкованіи кого-либо другого—отъ Наполеона намъ въ военномъ дѣлѣ не отойти.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ нѣмецкій критикъ высказываетъ желаніе стать въ полное и открытое противорѣчіе съ тѣми изслѣдованіями своихъ сородичей, которые смотрятъ на Наполеона, какъ на полководца-приверженца «антикварныхъ» методовъ, сомнѣваются при этомъ въ его гении, и, по-просту, заключаютъ, что нынѣ отъ него нельзя ничему научиться.

Критикъ хочетъ, чтобы съ самаго начала знали его взглядъ на Наполеона, какъ на «непревзойденнаго еще никѣмъ великаго полководца».

Призывъ Камона, повторяемый и привѣствуемый нѣмцемъ, необходимо раздѣлить и намъ, русскимъ: «къ Наполеону военные должны непрестанно возвращаться, какъ художники къ Микель-

Анджело» («c'est Napoléon que les militaires devront sans cesse revenir comme les peintres à Michel-Ange»).

Въ отдѣлѣ «общія положенія» Эндресь говоритъ: «Само собой ясно, что остаются на вѣки неизмѣнными немногіе великіе (основные) законы полководчества, которымъ слѣдовалъ Наполеонъ наравнѣ съ другими великими полководцами. Только у Наполеона эти законы примѣнялись уже къ массовымъ арміямъ, какъ ихъ нынѣ понимаетъ міръ, къ арміямъ, которыя даютъ современной стратегіи своеобразный отгѣнокъ, а потому изслѣдованіе наполеоновской войны дѣлается особенно поучительнымъ и пониманіе ея необходимымъ».

Однако, теперь, при измѣнившихся организациі и вооруженіи войскъ, на иныхъ театрахъ войны и при могучемъ переворотѣ, произведенномъ техникой XIX вѣка, представляется опаснымъ принимать всѣ особенности наполеоновской стратегіи и веденія имъ боя прямо-таки буква въ букву.

Въ частности, это относится къ тактическому веденію боя (къ тактической проблемѣ боя). На этой почвѣ во Франціи идетъ подлинная литературная битва, какъ это имѣло мѣсто и у насъ нѣсколько лѣтъ назадъ въ извѣстномъ спорѣ Шлихтингъ-Шерфъ. Какъ тогда, такъ и теперь, намъ кажется опаснымъ систематизировать тенія, какимъ, несомнѣнно, былъ Наполеонъ. Вѣдь, по своей сущности, геніальность коренится въ свободномъ творчествѣ, проявляемомъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Система—это омертвѣвшая внѣшность; методъ—простое ремесло. *A priori* въ наполеонизмѣ не существуетъ системы и метода, но также *a priori*—тамъ есть геній и пусть поклонники обольщаются гордой надеждой—возможности привести этотъ геній въ систему. Тщетное желаніе!

Было бы вполне достаточно разсмѣяться надъ этими попытками, если бы онѣ не несли съ собой опасности, отъ которой никогда не лишнее предостеречь. Мы можетъ быть только довольны, что во Франціи находится гораздо больше систематиковъ, чѣмъ у насъ, и что ея литература еще больше преклоняется предъ формой и отыскиваетъ законченныя опредѣленія тамъ, гдѣ должно видѣть только своеобразный оборотъ рѣчи.

У французовъ проявляется полностью племенная особенность. Я сошлюсь на Вонналя, который пишетъ, что французскій характеръ имѣетъ склонность больше останавливаться на формѣ, чѣмъ на сущности (въ этомъ изреченіи, впрочемъ, Вонналь представляется вторымъ критяниномъ Миносомъ). Французы еще болѣе,

чѣмъ наша литература, впади въ ошибку, признавъ, что наполеоновскій методъ веденія операцій и методъ Мольтке діаметрально *противоположны*. По своей галльской страстности они уже слишкомъ часто, въ пылу доказательствъ, переходятъ черту спокойной критики. Нѣтъ ни одного ученя объ операціяхъ, стоящаго совершенно отдѣльно отъ другихъ. Всѣ системы великихъ мастеровъ создавались *послѣ* нихъ, были совершенно лишнимъ вспомогательнымъ средствомъ для уразумѣнія этихъ мастеровъ и никогда не являлись мостомъ въ область прирожденныхъ дарованій. Вѣдь полководцы-мастера суть люди чистаго искусства, а если мы сдѣлаемъ изъ ихъ искусства науку, мы придадимъ нашимъ выводамъ такой же удивительный видъ, какой приняли многія работы французскихъ военныхъ писателей.

Съ легкимъ сердцемъ утверждаютъ, что Наполеонъ началъ эру современнаго полководчества, но, вѣдь, этого онъ не сдѣлалъ ни 1796, ни 1805 годами. Массы естественно приводили къ новымъ формамъ, къ измѣненію масштаба пространства и времени, короче, къ измѣненію *внѣшняго вида войны*. Мы могли бы признать французовъ правыми, если бы они сказали: «Та, наполеоновская, война похожа на современную войну». Но отнюдь нельзя согласиться съ ихъ заявленіемъ, что война въ то время уже была народной. «Вооруженный народъ» явленіе послѣ-наполеоновское и значительно различествуетъ по своему національному характеру и нравственнымъ основамъ отъ «великой арміи» Наполеона.

На приведенныя «общія положенія» во всемъ ихъ объемѣ можно возразить слѣдующее. Критикъ говорить, что при Наполеонѣ война не была народной. А наша русская «Отечественная война», а война 1813 года за освобожденіе Германіи? Развѣ это не чисто-народныя войны, въ періодъ которыхъ поголовное ополченіе доходило до степени, недостижимой для современнаго европейскаго міра? А испанскія войны? У самого Наполеона послѣ 1812 года армія пополнилась «маріями луизами», т. е. совершеннѣйшими юнцами — послѣднимъ народнымъ достояніемъ.

Затѣмъ, нельзя оставить безъ поправки осужденія критикомъ тѣхъ, кто пытается «систематизировать» генія, т. е. Наполеона. Когда такая систематизація дѣлается съ цѣлью раскрыть секретъ геніальности—она, дѣйствительно, смѣшна. Французскую наполеоновскую литературу нечего, конечно, защищать отъ осужденій

Эндреса, но нужно сказать, что изучать оставшіеся письменные памятники гения необходимо «систематически». Такая «систематичность» въ дѣлѣ изученія Наполеона не должна бы, кажется, ни пугать, ни смѣшить. Иначе нѣмцамъ, прежде всего, пришлось бы смѣяться надъ Мольтке.

Далѣе слѣдуетъ отдѣлъ: «*Стратегическое развертываніе*».

Когда французы говорятъ о наполеоновскомъ стратегическомъ развертываніи и, въ частности, выставляютъ его, какъ идеаль, за которымъ ревностно должно слѣдовать наше время, то тутъ ими забывается, что переходъ цѣлой арміи съ мирнаго положенія на военное при Наполеонѣ имѣлъ мѣсто далеко не въ такихъ размѣрахъ, какъ теперь. Въ 1805 году армія была почти готова на побережьѣ еще до ея выступленія къ Рейну. Въ 1806 году армія находилась на мѣстѣ, въ южной и западной Германіи, и ей не хватало очень малаго для окончательной подготовки. Тѣ же условія остаются въ силѣ и въ послѣдующихъ кампаніяхъ. Изъ этого слѣдуетъ, что наполеоновское стратегическое развертываніе являлось съ самого начала простымъ стратегическимъ маршемъ, болѣе независимымъ, чѣмъ современное развертываніе, нуждающееся въ желѣзныхъ дорогахъ. Роль, которую нынѣ играетъ время, при Наполеонѣ была не столь велика, какъ бы ни доказывалъ обратнаго 1809 годъ. Французы признаютъ это значеніе времени въ современныхъ войнахъ въ противоположность наполеоновской эпохѣ.

Все подтверждаетъ, что нынѣ уже нельзя производить стратегическое развертываніе гдѣ придется, неожиданно для противника по мѣсту; при одинаковой же скорости мобилизаціи развертываніе сторонъ не можетъ быть теперь неожиданнымъ и по времени. Если французы свое общее стратегическое развертываніе сведутъ къ неожиданности для врага, слѣдовательно, пожелаютъ сосредоточить первоначальною перевозкою свои силы для единовременнаго созданія линейнаго порядка на широкомъ фронтѣ, то они потеряютъ во времени больше, чѣмъ выиграютъ въ силѣ удара. Съ отдѣльной войсковою группой это допустимо, но нельзя того же предпринимать со всей вооруженной силой государства. Официальное французское развертываніе обработано съ полной заботливостью, основывается на пропускной способности желѣзнодорожной сѣти и, въ принципѣ, слѣдуетъ нѣмецкому образцу. Такъ какъ Мольтке (который здѣсь больше подходитъ въ качествѣ учи-

теля, чѣмъ Наполеонъ) не охотно вспоминается французами, то Бонналь даетъ французскому стратегическому развертыванію наполеоновское руководящее указаніе: «Все то, что не продумано глубоко въ подробностяхъ, не приводитъ къ желаемому результату («*tout ce qui n'est pas profondément médité dans ses détails, ne produit aucun résultat*»).

Очевидно, что техника наполеоновскаго развертыванія имѣетъ нынѣ лишь историческій интересъ. Совершенно напрасно старается Камонъ примѣнить наполеоновское развертываніе 1800 года къ современнымъ условіямъ. Это, вѣдь, было не *стратегическое развертываніе*, а просто созданіе новой *группы*, вступившей въ готовое стратегическое положеніе на обширномъ театрѣ войны. Нынѣ Меласъ очень скоро узналъ бы объ этой группѣ. Вообще, выходя этой группы на пути сообщенія Меласа, принимаемое Камонъ за образецъ, легко признать ошибкой, разъ Наполеонъ не схватился съ Меласомъ у Турина, а продвинулся къ Милану ¹⁾.

Вотъ еще одинъ примѣръ. Если пруссаки 9-го августа 1806 года начали мобилизоваться, а Наполеонъ 5-го сентября того же года могъ еще писать: «Новыя событія въ Европѣ заставляютъ меня серьезно раздумывать о положеніи моихъ войскъ», или, если въ 1809 году произведенное австрійцами общее стратегическое развертываніе оказалось столь мало внезапнымъ, что въ 2 дня рѣшительными мѣрами Наполеона все снова было приведено въ равновѣсіе, то въ этомъ сказывается такая медленность веденія войны со стороны противниковъ, которая исключаетъ возможность использованія подобныхъ примѣровъ въ условіяхъ нашего времени.

Несмотря ни на что, наполеоновское стратегическое развертываніе играетъ во Франціи громаднѣйшую роль при разборѣ своего и чужого стратегическаго развертыванія въ новѣйшихъ войнахъ; оно служитъ образцомъ, по которому измѣряется цѣнность этихъ развертываній. При этомъ историческими фактами передергиваютъ довольно-таки развязно. Особенно поучительный примѣръ представляютъ разсужденія Бонналя относительно нѣмецкаго стратегическаго развертыванія въ 1866 году. Сущность ихъ заключается въ слѣдующемъ.

Разрозненное выдвиганіе прусской арміей отдѣльныхъ корпусовъ неправильно въ основаніи. Прусскій генеральный штабъ

¹⁾ Это говоритъ самъ Бонналь въ своей интересной книгѣ: «*De Rossbach a Ulm.*» Paris, 1903.

не былъ достаточно способенъ, чтобы дойти до мысли, что австрійцы окажутся на важной центральной позиціи у Праги и оттуда могутъ дѣйствовать по внутреннимъ линіямъ ²⁾). Бонналь очень легко это объясняетъ: «Духъ наполеоновской войны не былъ достаточно раскрытъ большому генеральному штабу 1866 года».

Съ широкаго, въ 450 километровъ, фронта сосредоточиваться въ направленіи къ противнику — рѣшительная ошибка. Примѣромъ для него должно было служить наполеоновское развертываніе 1812 года. Исходя изъ этого, идеальнымъ прусскимъ развертываніемъ было бы слѣдующее:

1) Эльбская армія, какъ армія прикрытія (*armée de couverture*) — у Торгау.

2) Главная армія, какъ ударная сила (*masse offensive*): а) IV-й армейскій корпусъ съ наличными боевыми силами — въ предѣлахъ Бунцлау — Левенбергъ — Фридбергъ — Яуеръ и б) I-й армейскій корпусъ, какъ армейскій авангардъ — у Герлица.

3) Лѣвый флангъ (армія прикрытія) два армейскихъ корпуса — у Стрелена.

Это сосредоточеніе соотвѣтствуетъ основоположенію Наполеона: «Не слѣдуетъ допускать, чтобы періодъ сосредоточенія могъ быть обезпокоенъ преждевременнымъ наступленіемъ противника (*il ne faut pas que la période de rassemblements puisse être troublée par une offensive anticipée de l'adversaire*)»).

Но дальнѣйшія мѣропріятія этой Бонналевской арміи ужъ нисколько не соотвѣтствуютъ тому, что придаетъ наполеоновской стратегіи такую громоносную силу. Я разумѣю оперативную инициативу во чтобы то ни стало (*à tout prix*). Бонналь говоритъ о трехъ возможныхъ случаяхъ: а) австрійцы отъ Ольмюца двинутся въ Силезію, б) они сосредоточатся въ Богеміи и в) они сосредоточатся въ Силезіи. На всѣ эти случаи онъ даетъ соотвѣтственные способы противодѣйствія. Но способы эти суть *оперативное отступление*. Что именно должна была предпринять прусская армія пока разрѣшится вопросъ о дѣйствіяхъ противника, этого Бонналь не указываетъ, что и придаетъ его предложенію крайнюю условность. Дѣйствія Мольтке, если не по вѣдѣности, то по существу, несправ-

²⁾ Мольтке считаетъ это свое развертываніе вынужденнымъ необходимою; смотри «Korrespondenz 1866», № 75 и «Denkwürdigkeiten», I стр. 28. Бонналь въ своей книгѣ «Sadova» доходитъ до страстныхъ нападокъ на Мольтке. Тѣмъ большее значеніе имѣетъ одно мѣсто въ книгѣ Бонналя же «La manoeuvre de St. Privat» стр. 73, гдѣ онъ пишетъ: «Мольтке первѣйшій человѣкъ войны въ XIX вѣкѣ послѣ Наполеона».

ненно ближе къ дѣйствіямъ Наполеона, нежели операціи формально-наполеоновской арміи Бонналя.

Французская оцѣнка войны 1866 года представляетъ наглядный образецъ критическаго метода съ точки зрѣнія наполеоновскихъ правилъ. Къ сожалѣнію, ограниченныя рамки статьи не позволяютъ болѣе подробно остановиться на этомъ вопросѣ. Желаніе связать данную обстановку полководца съ тѣмъ, что впослѣдствіи стало закономъ, — напрасный трудъ. Въ противовѣсъ такой попыткѣ слѣдуетъ снова настойчиво повторить: *«сначала творится дѣло, а потомъ узакониваются добытые результаты»*. Каждый случай можетъ и долженъ истолковываться самъ по себѣ, если идетъ рѣчь о томъ, правиленъ или ложенъ былъ выводъ. Тогда и приговоръ критиковъ будетъ простой, субъективный, а выдавать самими выдуманный законъ за мѣрило оцѣнки стратегическихъ дѣйствій, это своего рода игра въ безпристрастіе.

Ясно, что въ періодъ стратегическаго развертыванія арміи или сейчасъ же послѣ него выдвигаются отдѣльные отряды сообразно обрисовавшемуся общему положенію. Нынѣ это совершается быстрѣе, нежели раньше, но все же произвести выдвигеніе отрядовъ неожиданно возможно лишь при драконовской цензурѣ. Между тѣмъ гласность прежде и нынѣ — крайне различны.

Совершенно правильно французская литература приходитъ къ заключенію, что примѣненіе къ современнымъ войскамъ чрезвычайно напряженныхъ наполеоновскихъ маршей, при стратегическомъ развертываніи, крайне изнурительно, такъ какъ должно выпадать на долю людей, еще не дѣлавшихъ походовъ и не примѣнившихъ къ условіямъ войны. Помѣхи стратегическому развертыванію могутъ также вызвать особое напряженіе. На усиленные переходы французовъ въ 1806 году мы все же смотримъ, какъ на ошибочные, являвшіеся результатомъ слишкомъ поздней отдачи приказаній; этими переходами не устанавливается никакого наполеоновскаго принципа, какъ ни пытается Бонналь отмѣтить его въ Іенскихъ дѣйствіяхъ. Однако, окончательный выводъ французскихъ изслѣдованій правиленъ: онъ требуетъ суроваго воспитанія въ мирное время, чтобы выработать въ резервистахъ способность переносить лишенія. Между тѣмъ на практикѣ французы сами показываютъ обратное. Требованія, какія предъявляются войскамъ на маневрахъ, во Франціи чрезвычайно легки. Каждая капля дождя оказываетъ вліяніе на продолжительность маневра... Ничто не напоминаетъ о маршахъ и лишеніяхъ Массены въ 1809 году и гвар-

діи въ 1813 году. *А теорія теряетъ право на наше вниманіе, если правильные выводы не переносятся въ жизненную практику.*

Подводя итогъ всему приведенному, мы можемъ сказать о французской литературѣ по вопросу о стратегическомъ развертываніи словами Бонналя:

1) Наполеоновскіе марши для сосредоточенія замѣнены желѣзнодорожными перевозками.

2) Для стратегическаго развертыванія и нынѣ еще цѣненъ наполеоновскій образецъ. Въ продолженіе періода, предшествовавшего рѣшенію, никогда не было равнаго съ наполеоновскимъ использованія человѣка и лошади въ большихъ массахъ («on n'a jamais égalé Napoléon sous le rapport de l'utilisation de l'homme et du cheval en grandes masses, durant la période qui précède la décision»).

3) Распорядокъ сосредоточенія въ наполеоновскомъ смыслѣ содержитъ зародышъ подготовительнаго маневра къ первому большому бою ³⁾ («un dispositif de réunion dans l'esprit napoléonien contient en germe la manoeuvre préparatoire à la première grande bataille»).

Относительно наполеоновскаго стратегическаго развертыванія, въ которомъ и Эндресъ находитъ много поучительнаго, для насъ, русскихъ, съ нашими обширными и разнообразными, по мѣстнымъ условіямъ, возможными театрами военныхъ дѣйствій, надо добавить слѣдующее. Да, на нѣкоторыхъ нашихъ границахъ, условія неизмѣримо измѣнились со времени наполеоновскихъ войнъ; эти границы, несомнѣнно, важнѣйшія; на нихъ, какъ и въ западной Европѣ, техника сосредоточенія войскъ мало можетъ заимствовать отъ Наполеона.

Но зато на большей части приграничной полосы, мы желѣзныхъ дорогъ имѣемъ очень мало или даже совсѣмъ ихъ не имѣемъ. Такъ что для насъ техника наполеоновскаго сосредоточенія не должна бы имѣть только одинъ историческій интересъ. Многое намъ могло бы пригодиться, пожалуй, буквально.

Впрочемъ, и западнымъ европейцамъ приходится вести войны не только у себя дома. Не 'угодно ли полюбоваться, въ какомъ смѣшномъ положеніи очутилась нынѣ сухопутная итальянская армія на томъ африканскомъ побережьи, гдѣ по близости съ такимъ блескомъ дѣйствовалъ Бонапартъ въ 1799 году.

³⁾ Это выраженіе встрѣчается въ различныхъ работахъ Бонналя.

Закончивъ разборъ стратегическаго развертыванія, какъ подготовительнаго маневра для перваго большого боя, авторъ переходитъ къ вопросу объ «операціонномъ планѣ».

Операціонный планъ Наполеона, соотвѣтствуя гениальности императора, былъ всегда чрезвычайно простъ. Самое исполненіе этого плана, чуждое грубой прямолинейности, отличалось послѣдовательностью, гибкостью и настойчивостью. Для массы же вообще привлекательно только запутанное и она лишь въ непонятномъ (въ мистикѣ) видитъ чудеса. Наполеонъ хорошо зналъ людей, и поэтому охотно рекламировалъ себя массамъ, рассказывая, какъ онъ *создавалъ* заранѣе операціонные планы, которыхъ въ сущности никогда не имѣлъ. Такимъ путемъ онъ ловко создавалъ о себѣ легенду.

Замѣчательно то, что даже вполне разсудительные изслѣдователи дѣлались жертвой этой весьма соблазнительной мистификаціи ⁴⁾; поэтому нельзя очень удивляться, если и французская военная литература (особенно Камонъ) еще не совсѣмъ освободилась отъ наполеоновской «легенды». При желаніи использовать для своего времени *все* наполеоновское, это не представляется безсмысленнымъ. Наполеонъ заходилъ такъ далеко, что самимъ собою порожденную легенду приспособливалъ во время хода операцій къ политическимъ цѣлямъ. Напримѣръ, 12-го октября 1806 года онъ сѣтуетъ на скудные свѣдѣнія; у него совсѣмъ еще ничего не выяснено относительно противника, и въ то же самое время онъ пишетъ Талейрану: «Дѣла здѣсь идутъ совершенно такъ, какъ я рассчитывалъ два мѣсяца тому назадъ въ Парижѣ, переходъ за переходомъ, почти событіе за событіемъ. Я не обманулся ни въ чемъ»...

Нельзя, чтобы идолъ лгалъ! Но издавна говорится: «міръ хочетъ быть обманутымъ (*mundus vult decipi*), и поэтому обманывается (*ergo decipiatur*)». Наполеонъ съ затаеннымъ удовольствіемъ слѣдовалъ этому изреченію.

Въ современной французской литературѣ не усматривается опредѣленной законченности въ рѣшеніи вопроса о подражаніи наполеоновскимъ операціоннымъ планамъ, но, изъ сопоставленія всего того, что французскими писателями говорится объ «операціонномъ планѣ», вообще можно заключить, что, по ихъ мнѣнію, вся трудность кроется *въ составленіи первоначальнаго замысла*, и

⁴⁾ Напримѣръ, Тьеръ относительно Ульма, Зибель относительно Ульма, Маренго и Иены. Сравните также «Mémoires» Бурьена. IV, стр. 150.

на ряду съ этимъ недостаточно отмѣчается, что эта трудность зависитъ не столько отъ качествъ плана, сколько отъ *умѣнія его вытолкнуть*. Во Франціи слишкомъ много носятся съ планами Наполеона, высказанными имъ послѣ свершенія событій, слинкомъ переоцѣниваютъ его «мемуары» — работу, неимѣющую никакой стратегико-критической цѣнности; ни одинъ серьезный изслѣдователь никогда и ни за что не рѣшится пользоваться этими мемуарами, какъ безспорнымъ источникомъ.

Далѣе слѣдуетъ замѣтить, что къ историческимъ операціоннымъ планамъ и подходитъ больше всего строгая и справедливая критика; существующая же во французской литературѣ особенность заключается въ томъ, что писатели смѣшаютъ предлагать собственные планы, требующіе значительно большей критики, нежели планы историческіе. Вѣдь критика есть наука; созданіе же чего-либо новаго есть искусство. Типичнымъ примѣромъ является разсужденіе Бонналя о французскихъ операціонныхъ планахъ 1870 г., выработанныхъ не задолго до войны Фросаромъ и Дюкро. Планъ Фросара, брошенный на вѣсы наполеоновскихъ осново-положеній, названъ возвращеніемъ къ XVIII-му вѣку, къ методическому веденію войны и предпочтительности позицій. Разброска силъ осуждена словами: «Пусть всѣ наши силы будутъ выдвинуты и дерутся сразу въ одной массѣ. Это единственное средство добиться побѣды (*que toutes nos forces soient en ligne et combattent à la fois en une masse. C'est le seul moyen d'obtenir la victoire*)⁵⁾.

Такимъ же образомъ и планъ Дюкро побивается наполеоновскими осново-положеніями. Дюкро, какъ извѣстно, настаивалъ на необходимости вторженія французовъ въ Южную Германію по политическимъ соображеніямъ. Бонналь рѣзко указываетъ на то, что, во-1-хъ, планъ такого вторженія въ стратегическомъ отношеніи былъ неудаченъ, такъ какъ носилъ въ самомъ себѣ зародышъ неудачи; во-2-хъ, онъ былъ политически безуспѣшенъ и, во-3-хъ, нарушалъ наполеоновское правило — превосходить непріятели въ силахъ на рѣшительномъ пунктѣ, каковымъ являлся здѣсь Пфальцъ. Противъ южно-германскихъ 90.000, отвлекаемыхъ отъ Пруссіи, дѣйствовало бы 150.000 французовъ, ослабленныхъ настолько же въ рѣшительномъ мѣстѣ. Это несомнѣнно; и здѣсь мы признаемъ плодотворное вліяніе на критику ясныхъ наполеоновскихъ мыслей.

⁵⁾ Bonnal «Préparation stratégique des actes décisives». 2-e Partie. Guerre de 1870. Paris 1893.

Но Бонналь тотчасъ же становится непонятнымъ, лишь только выступаетъ со своимъ собственнымъ планомъ, который онъ называетъ «логическимъ» (*plan logique*). Уклоняясь отъ приведенной основной наполеоновской мысли, Бонналь предлагаетъ преждевременное наступленіе въ Пфальцъ съ арміею мирнаго времени. Изъ-за стремленія къ небольшому первоначальному успѣху, такимъ наступленіемъ ставилась на карту судьба арміи, такъ какъ наступленіе должно было бы завершиться безпорядочнымъ и гибельнымъ отступленіемъ.

Исключая неудачныя предложенія, подобныя только что приведеннымъ, слѣдуетъ признать, что французское ученіе объ операціяхъ *теоретически* ясно сознаетъ то, чему слѣдовалъ Наполеонъ: «Необходимо разбить главныя силы непріятеля». По примѣру Наполеона въ 1813 году къ такому бою съ главными силами слѣдуетъ стремиться даже при стратегической оборонѣ, т. е. при вынужденномъ исходномъ положеніи. Таковъ здравый выводъ историческихъ изслѣдованій.

Не трудно то, что дѣлаетъ критикъ. Онъ заподозриваетъ въ искренности и правдивости заявленія Наполеона о существованіи у него заранѣ составленныхъ операціонныхъ плановъ. Но Наполеонъ не имѣлъ нужды, до совершенія дѣлъ, расписывать о своихъ планахъ на бумагѣ; ему не было надобности кого-либо и въ чемъ-либо убѣждать, а потому документальныхъ слѣдовъ о его планахъ мы не имѣемъ; существуютъ лишь изложенія этихъ плановъ, сдѣланныя *впоследствии* самимъ Наполеономъ и планы Бонапарта къ первой его Итальянской кампаніи. Но значить ли это, что Наполеонъ лгалъ, когда говорилъ о существованіи у него въ другихъ случаяхъ заранѣ составленныхъ плановъ? Обвиненіе избитое и чрезвычайно смѣлое.

Нѣмцы вѣдь справедливо настаиваютъ на томъ, что у Мольтке, напримѣръ, были операціонные планы, заранѣ составленные и во всей подробности; признавать же существованіе такихъ же плановъ у Наполеона нѣмцамъ не нравится! Они обвиняютъ Наполеона во лжи и указываютъ примѣры этой лжи.

Да, Наполеонъ лгалъ, но лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣлъ цѣлью использовать эту ложь для какой-либо практической выгоды; лгалъ во время хода операцій. Но зачѣмъ Наполеону было лгать, когда онъ на островѣ св. Елены писалъ свои мемуары? Для того, чтобы его читло потомство? Для славы писателя, дорожащаго краснымъ словомъ? Или въ надеждѣ снова сдѣлаться императо-

ромъ? Только чувство обидчивыхъ нѣмцевъ могло придти къ такому подозрѣнію. Наполеонъ ясно сознавалъ величіе своихъ дѣлъ и никакіе объяснительныя къ нимъ записки не могли усилить его славы. Наполеонъ, просто, въ силу влеченія своей природы, хотѣлъ подѣлиться съ міромъ волновавшими его мыслями; передавалъ ихъ, какъ могъ, возможно, что и съ нѣкоторой неточностью или, вѣрнѣе, со свойственной человѣку несовершенной точностью.

Нельзя согласиться и съ заявленіемъ, будто бы французы неправильно считаютъ, что трудность операціоннаго плана вообще заключается въ составленіи первоначальнаго замысла, и будто бы у нихъ недостаточно отгѣнено, что эта трудность зависитъ не столько отъ качества плана, сколько отъ умѣнія его выполнить.

Да вѣдь первоначальный замыселъ плана только тогда и хорошъ, когда этотъ замыселъ *выполнимъ*. Это первое качество плана; зачѣмъ же противопоставлять качество плана умѣнью его выполнять—это только запутываетъ вопросъ.

Эндресъ какъ будто хочетъ допустить, что ошибки стратегіи можно искупать тактикой, т. е. мысль—исполненіемъ; но, если тактика пожелаетъ искупать свои ошибки стратегіей, то ни та, ни другая отрасль военной науки не будутъ разрабатываться въ такой мѣрѣ, чтобы вмѣстить въ себя всѣ необходимыя для побѣды условія. Получится случай, аналогичный съ тѣмъ, когда начальники бранятъ подчиненныхъ за плохое исполненіе приказаній, а подчиненные корятъ начальство, пославшее ихъ на несообразное дѣло.

Составить хорошо *выполнимый* планъ, это высшее искусство, и у Наполеона такіе планы *были* составляемы заранѣе, равно какъ и у Мольтке, и у всѣхъ другихъ менѣе великихъ полководцевъ, но только планамъ Наполеона не всегда придавалась документальная письменная форма.

Въ дальнѣйшемъ, Эндресъ обсуждаетъ «*стратегическое наступленіе*».

«Однажды, въ Витебскѣ, Наполеонъ сказалъ своимъ генераламъ: «Мой планъ кампаніи—это сраженіе, и вся моя политика—это успѣхъ» (*mon plan de campagne c'est une bataille et toute ma politique c'est le succès*).

Проще и яснѣе нельзя высказаться. Каждый наполеоновскій походъ (кампанія) свидѣтельствуетъ о стремленіи искать рѣшенія въ короткихъ могучихъ ударахъ. Битва, возможно неожиданная, въ возможно рѣшительной стратегической обстановкѣ, при воз-

можно болѣе неблагоприятныхъ условійхъ для врага, вотъ священный завѣтъ (*punctum saliens*) всѣхъ плановъ Наполеона. Нынѣ во французскомъ ученіи объ операціяхъ эта мысль рѣзко выражена; на ней построены замѣчательныя осново-положенія. Мы смѣло указываемъ, что въ будущей войнѣ предъ нами окажется врагъ, всѣми средствами стремящійся къ рѣшительному дѣйствию.

Только Камонъ идетъ своей собственной дорогой ⁶⁾. Онъ знаетъ простоту и величіе Наполеона и въ немногихъ словахъ опредѣляетъ такъ его систему: если у императора было превосходство въ силахъ, то дѣйствія на тыловыя сообщенія врага и представляли сущность плана, тѣмъ болѣе, что такой планъ позволялъ Наполеону, *по желанію, уклоняться отъ битвы*, ибо императоръ прибѣгалъ къ ней не иначе, какъ противъ врага, почти уничтоженнаго силою маневра. Но если у Наполеона не оказывалось превосходства силъ, онъ дѣйствовалъ съ фронта, т. е. съ «центральной позиціи» (*position central*).

Этимъ мы и можемъ ограничиться, предоставляя читателямъ самимъ составить приговоръ объ этой «искусственно-скроенной» системѣ. Какъ можно рѣшаться въ подобныхъ грубыхъ словахъ сокращать геній Наполеона! Вѣдь неоспоримо, что разнообразіе стратегическихъ приемовъ доходило у него до излишества, а потому постоянно вело все къ новымъ побѣдамъ.

Отважность наполеоновскихъ операцій приводитъ рядъ французскихъ писателей къ интереснымъ попыткамъ предуказывать возможность подобной отваги и въ наше время. Съ какой-то робостью предъ геніемъ Наполеона и предъ военнымъ счастьемъ, такъ долго сопутствовавшимъ ему, у французовъ часто, при обсужденіи того или иного труднаго положенія, рождается вопросъ: «примѣнилъ-ли бы здѣсь Наполеонъ исключительно отважное рѣшеніе?» и затѣмъ слѣдуетъ отвѣтъ: «планъ, собственно, слишкомъ опасенъ, но Наполеонъ все же составилъ бы его такимъ же образомъ». «Почему?» «Потому, что онъ Наполеонъ». Психологически это любопытно.

Несмотря на то, что французы сами себя сильно стѣснили и урѣзали изготовленной ими системой, они все же *должны*, сплошь и рядомъ, признавать, что нѣкоторымъ поступкамъ генія не свойственно воплощаться въ законъ; такіе поступки суть явленія —

⁶⁾ Камонъ. «La guerre napoléonienne». Paris 1903, 1907. Камонъ находится въ рѣзкомъ противорѣчій съ большинствомъ другихъ писателей. Можно будетъ не разбирать больше его сочиненія, потому что иначе вся статья должна свестись къ спору «противъ Камона», чего здѣсь не имѣлось въ виду.

одиночки, во всемъ блескъ своей неподражаемости. Причинная зависимость ихъ не разгадываема для человѣческой ограниченности. Само собою отпадаетъ всякое ихъ воздѣйствіе на ученіе объ операціяхъ.

Изъ приведеннаго разбора нѣмецкимъ критикомъ «стратегическаго наступленія» слѣдуетъ, что французы до извѣстной степени смущаются отважностью наполеоновскихъ наступательныхъ плановъ. У нѣмцевъ, судя по всему, такой робости нѣтъ. Французъ Камонъ свое объясненіе наполеоновскаго образа дѣйствій, какъ кажется, даетъ именно съ цѣлью предохранить отъ слишкомъ упрощеннаго пониманія Наполеона, что будто бы онъ шелъ всегда впередъ и билъ, — и все тутъ. Такъ что, если Камонъ «комкаетъ» Наполеона, то Эндрессъ и вообще обрисовываемое послѣднимъ нѣмецкое пониманіе Наполеона комкаетъ императора еще больше. Объяснять всю концепцію (весь замыселъ) стратегическихъ наступленій Наполеона случайно вырвавшейся у него фразой въ Витебскѣ—врядъ-ли научно и полезно.

Н. Кудрявцевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

